

16. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958.

17. ЦГВИА. Ф. 52. Д. 288.

18. ЦГВИА. Ф. 52. Д. 402.

19. Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис, 1913.

* * *

1. Abdullaev G.B. Azerbajdzhan v XVIII v. i vzaimootnoshenija s Rossiej. Baku, 1965.

2. Aliev F.M. Znachenie Azerbajdzhana dlja Rossii v Kaspiskoj trgovle // Blizhnij i Srednij Vostok. Tovarnye otnoshenija pri feodalizme. M., 1980. S. 7–14.

3. Ashrafjan K.Z. Padenie derzhavy Sefevidov // Oчерки po novoj istorii stran Srednego Vostoka. M., 1951. S. 198–210.

4. Belevy puteshestvija cherez Rossiju v raznye aziatskie zemli, a imenno v Ispogan', v Pekin, v Derbent i Konstantinopol' / per. s fr. Spb., 1776. Ch. 1.

5. Butkov P.G. Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. Spb., 1869. Ch. II.

6. Gerber I. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiskogo morja. 1728 g. // Istorija, geografija i jetnografija Dagestana XVIII–XIX vv. M., 1958. S. 60–121.

7. Dubrovin N.F. Istorija vojny i vladychestva russkikh na Kavkaze. Spb., 1871. T. I.

8. Izvestie o vzjatii Derbenta rossijskimi imperatorskimi vojskami. Spb., 1806.

9. Istorija Azerbajdzhana. Baku, 1958. T. I.

10. Kidirijazov D.S. Dagestan v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij (XVIII – konec 20-h gg. XIX v.). M., 2011.

11. Kilasov R.K. Iz istorii jekonomicheskikh svjazej Dagestana s Rossiej (konec XVII – nachalo XVIII v.) // UZ IJaL Dagfiliala AN SSSR. Mahachkala, 1970. T. XX. S. 212–224.

12. Lebedev V.I. Posol'stvo A. Volynskogo v Persiju // Izvestija AN SSSR. 1948. № 6. S. 530–542.

13. Leviatov V.N. Oчерки istorii Azerbajdzhana. Baku, 1948.

14. Magaramov Sh.A. Rossijsko-dagestanskije diplomatičeskie otnoshenija nakanune Kaspiskogo pohoda Petra I // Rossijskaja istorija. 2017. № 1. S. 56–61.

15. Pis'mo grafa V.A. Zubova k ego bratu P.A. Zubovu // Russkij arhiv. 1873. Kn. 1–2. S. 875–882.

16. Russko-dagestanskije otnoshenija v XVII – pervoj chetverti XVIII v. Dokumenty i materialy. Mahachkala, 1958.

17. CGVIA. F. 52. D. 288.

18. CGVIA. F. 52. D. 402.

19. Jesadze S. Istoricheskij oчерk rasprostraneniya russkoj vlasti na Kavkaze. Tiflis, 1913.

Role of the Derbent khanate in the history of the East Caucasus

The article deals with the role and importance of one of the leading public entities of Dagestan – the Derbent khanate – in the historical events that took place in the North-East Caucasus in the XVIII – beginning of XIX centuries. It describes the place of Derbent and its neighborhood during the period of the two international events in the region – the Caspian campaign of Peter the Great and the struggle of the mountaineers of Dagestan for independence from Nader Shah. Great attention is paid to the policy of Derbent rulers – Fatali Khan and his son Shih-Ali Khan in foreign policy. The work is limited by the beginning of the XIX century, when Derbent became a part of Russia in 1806.

Key words: North-East Caucasus, Derbent khanate, Fatali Khan, Shikh-Ali Khan, international relations, contacts with the Russian Empire.

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)

3.3. МАНАТИЛОВА, М.А. АБДУРАЗАКОВ (Махачкала)

ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА (КЮРИНСКОГО ХАНСТВА) В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Описываются основные виды занятий жителей Кюры, экономическое положение Кюры в конце XVIII – начале XIX в., а также торгово-экономические связи с соседними народами. Дана характеристика развития земледелия как основного вида деятельности в равнинной и предгорной частях. Показано развитие скотоводства, имеющего исключительное значение для жителей Кюры. Дан краткий анализ развития местных промыслов, имеющих большое значение для союзов сельских общин Южного Дагестана.

Ключевые слова: история Дагестана, экономика Южного Дагестана, история Южного Дагестана, Кюринское ханство.

Дагестан в XVIII в. характеризуется некоторым оживлением хозяйственной жизни по сравнению с предыдущим периодом. Хотя крайняя раздробленность, феодальные между-

усобицы, опустошительные походы шаха Надира 1730-х и 1740-х гг. и тормозили развитие страны, тем не менее некоторый рост производительных сил привел к подъему народного хозяйства.

Это сказалось на развитии земледелия и скотоводства, которые оставались, как и в предыдущие века, основными занятиями народов Дагестана, в том числе и Кюры. Наряду с посевами пшеницы, ячменя и др. во второй половине XVIII в. значительное распространение получило разведение риса, кукурузы, бахчевых культур и т. д. Прочные экономические связи внутри Дагестана в XVIII в. еще не сложились, и общественно-экономическое развитие его отдельных частей было неравномерным. В ряде районов наблюдалась относительная застойность в развитии натурального хозяйства. Большое влияние на хозяйственное развитие страны оказывали различные формы феодальной и общинной собственности на землю и связанные с ними отсталые отношения в джамаатах, облеченные в первобытные формы, порожденные полупатриархальным, полуфеодальным бытом [8, с. 32].

Хозяйственный подъем был более заметен в приморских и предгорных районах, в которых почвенно-климатические условия благоприятствовали развитию всех отраслей хозяйства. Сельское хозяйство оставалось менее развитым в высокогорных районах Дагестана. Географические условия существенно ограничивали здесь земледелие. Известное оживление наблюдалось и в области промышленного производства. В Дагестане распространено было в это время изготовление различных изделий из металла, шерсти, глины, хлопка [Там же, с. 38] и др. Дагестанцам был известен ряд отраслей домашней промышленности и в предшествующие века. Но эти отрасли везде, за исключением Дербента, были тесно связаны с сельским хозяйством, удовлетворяли потребности местных жителей. Особенности этой области производства в рассматриваемое время заключались в том, что начавшийся еще в предыдущие века процесс отделения домашней промышленности от сельского хозяйства дал в это время новые результаты. Например, по свидетельству Лопухина и Гербера, все жители селения Кубачи были мастерами, «питались» своим ремеслом и выполняли работы на заказ из материала заказчика [9, с. 142]. Ограниченность данных не позволяет точно установить, многие ли районы Дагестана были охвачены этим процессом. Однако во

многих аулах Нагорного и Центрального Дагестана (Анди, Унцукуль, Балхар, Сулевкент и др.) домашнее ремесло постепенно отделялось от сельского хозяйства.

В рассматриваемое время сравнительно распространен был в Дагестане и обмен. Дагестанцы обменивали свои продукты в Тарки, Дербенте, Эндерее, Кабучи, Кази-Кумухе, Хунзахе, Анди и других населенных пунктах края, а также в некоторых городах Азербайджана и Грузии [6, с. 115]. Они продавали производимые ими простые сукна, ковры, бурки, масло, сыр, скот, шерсть, марену и т. д.; покупали хлеб, нефть, соль, бумажные, иногда и шелковые ткани и т. д. [5, с. 144].

В Дагестане распространена была работоторговля. В XVIII в. Дагестан посещали азербайджанские, грузинские, армянские и другие купцы [8, с. 38]. Начиная со второй половины XVIII в. ведущее место во внешней торговле Дагестана занимала уже Россия. Население русских городов Северного Кавказа нуждалось в местных продуктах, а Дагестан – в промышленных товарах первой необходимости.

Жители Кюры занимались земледелием издревле и очень интенсивно. Здесь не было ни одного аула, где не выращивали бы зерновые культуры. Для подавляющего большинства аулов земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства, и лишь для немногих селений оно имело характер второстепенного занятия. Хозяйства на равнине были более развитыми, этому способствовало наличие плодородных, орошаемых земель.

В конце XVIII в. Ф.Ф. Симонович отмечал, что «Кюра... способна к производству всех плодов. Она составляет произведениями своими большую часть богатства Хамутаева (казикумухский хан), с которым оный по Кубинскому положению подати собирает» [8, с. 39]. Население занималось исключительно выращиванием зерновых культур, хотя в самом Казикумухском ханстве хлебопашество было ограничено ввиду суровости климата и каменистого состава почв, и поэтому «недостаток... хлеба... заменяет провинция Кура» [3, с. 214].

Одним из решающих условий успешного возделывания хлебов было применение искусственного орошения. Жители Южного Дагестана «весьма искусно проводили из рек и ручьев каналы по полям своим» [8, с. 40]. В горных селениях рыли каналы, нередко пробивая отвесные скалы, или искусно поднимали воду из речек на возвышенные места. «Лезгины, –

писал Б.Ф. Добрынин, – имеют старинные навыки по поливному земледелию, они искусные мастера, насколько позволяют их технические средства, по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения». Обнаруженные в ряде горных аулов (Курах, Хвередж) подземные гончарные трубы служат тому лишним доказательством [7, с. 88].

Скотоводство наряду с земледелием имело в жизни кюринцев исключительно важное значение. В предгорье и в горной части оно параллельно с земледелием служило основным занятием жителей. Ф.Ф. Симонович свидетельствует, что вместе с полеводством Кюра «достаточно скотоводством» [8, с. 42]. Местные жители разводили крупный и мелкий рогатый скот. Быки и буйволы использовались исключительно как тягловая сила.

Успешное развитие скотоводства теснейшим образом связано с наличием достаточного количества зимних и летних пастбищ. По характеру эксплуатации летние пастбища делились на высокогорные, приаульные пастбища и курухи [Там же]. В самое жаркое время года мелкий скот содержался на высокогорных пастбищах, где строились временные помещения для чабанов. Скот содержался на открытом воздухе.

С наступлением холодов скот с высокогорных пастбищ перегонялся на приаульные пастбища, где имелись постоянные помещения для людей и скота, а также пахотные участки. Для скотоводческого хозяйства, в частности овцеводства, наличия одних летних пастбищ было недостаточно. Требовались еще зимние пастбища. К тому же общий недостаток сенокосов не позволял заготавливать сено для четырехмесячного стойлового содержания крупного и мелкого рогатого скота [9, с. 140].

Кюринские союзы сельских общин также занимались домашними промыслами: изготовление различных бытовых изделий из шерсти, кожи, дерева, орудий сельскохозяйственного производства. «Домашние промыслы играли немаловажную роль в хозяйстве жителей союза сельских общин, являлись большим подспорьем их экономике. Кустарные изделия не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, коими горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение продуктов питания, главным образом хлеба» [2, с. 89].

Наиболее распространенным промыслом у жителей Кюры была обработка шерсти. Из овечьей шерсти кюринцы выделывали разнообразные изделия как для собственного потребления, так и для продажи – паласы, ковры, сумахи, хурджины, мешки, чулки, носки и т. д. Как писал Ф.Ф. Симонович, имея в виду жителей горной зоны Южного Дагестана, в целом они «достаточно скотоводством, промышленностью вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таком рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные меха и другие кожи. Все сии рукоделия, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги. Из сих же городов отправляют уже в Баку марену, хлопчатую бумагу и хлеб на размен, как-то: на соль, нефть и русские товары, особливо же на железо и разные из одного вещи деланные» [8, с. 43]. Перечисленные товары жители кюринских союзов, как и другие горцы Дагестана, будучи в указанных городах, приобретали в обмен за свои товары или же за деньги.

Кроме того, из документа видно, что кюринцы активно поддерживали торговые связи с Дербентом и Кубой. Особое место в промысле по обработке шерсти занимало ковроткачество. Больше всего оно было развито в селах Магарамкент, Курах, Капир, Касумкент, Пиркент [1, с. 71] и др. Обработкой кожи и производством изделий из нее занимались в селениях Касумкент, Курах, Кабир [8, с. 44] и др. Развитым ремеслом многих сел союзов сельских общин было гончарное производство [2, с. 92]. Известными центрами гончарного производства в Кюре были Испик и Гезеркент. Жители этих селений изготавливали оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины, миски, чашки и другие изделия художественной поливной подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и наклепными узорами [9, с. 101]. В XVII–XVIII вв. испикские декоративные блюда были широко известны в аварских, даргинских, лакских районах, особенно в селениях Чох, Согратль, Ругуджа, Кудали, Корода, Голотль, Кубачи, Балхар [10, с. 45].

Одним из развитых промыслов жителей союзов сельских общин в XVIII в. была обработка камня. В Кюре особо выделялось по обработке камня село Курах [8, с. 45]. Развитой была и резьба по камню. Жители селения Хорадж [11, с. 344] занимались изготовлени-

ем надгробных памятников. «Украшению и сохранению этого своеобразного музея каменного искусства народы Дагестана уделяли исключительное внимание. Профессия мастеров резьбы по камню в ряде случаев была наследственной и переходила от отца к сыну, от дяди к племяннику» [2, с. 94].

Жители Кюринских магалов занимались и металлообработкой. Кузнечное дело было распространено во всех селениях. Кузнецы в основном удовлетворяли местные потребности, изготавливая сельскохозяйственные орудия и предметы домашнего обихода.

Распространенным в металлообработке был оружейный промысел. В Кюре на производстве кинжалов специализировались села Икра, Кюснет, Курах и Койсун, мастера которых работали на заказ [4, с. 134].

Внутренняя и внешняя торговля в XVIII в. развивалась в рамках натурального хозяйства. Торговые операции совершались в крупных населенных пунктах. В селениях Курах и Камукент были базары местного значения. Важную роль в развитии торговли играли города Дербент, Куба.

На развитие торговли в Дагестане положительное влияние оказывали крупнейшие центры Азербайджана: Нуха, Шемаха, Баку, Куба и др. Таким образом, экономическое положение Кюры в конце XVIII – начале XIX в. характеризовалось развитием земледелия, особенно в равнинной части и предгорье. Исключительно важное значение имело для кюринцев развитие скотоводства (как мелкого, так и крупного рогатого скота), связанного с использованием летних и зимних пастбищ для выгона. Большое значение также для союзов сельских общин имели занятия населения местными промыслами по обработке шерсти, меха, шкур, дерева, камня и изготовление на основе этих материалов предметов домашнего пользования.

Список литературы

1. Агаширинов С.С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX веков. М., 1978.
2. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999.
3. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Махачкала, 2001. Кн. II.
4. Гаджиев В.Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курюю находящихся». М., 1979.

5. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена. М., 1958. С. 60–120.

6. Гюльденштедт И.А. Географические и статистические описание Грузии и Кавказа 1770–1773 гг. Спб., 1809.

7. Добрынин Б.Ф. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926.

8. Манатилова З.З. Кюринское ханство и его вхождение в состав России: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы по истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

10. Кильчевская И.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1995.

11. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

* * *

1. Agashirinov S.S. Material'naja kul'tura lezgin XIX – nachala XX vekov. M., 1978.

2. Aliev B.G. Sojuzy sel'skih obshhin Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. Mahachkala, 1999.

3. Aliev B.G., Umahanov M.-S.K. Istoricheskaja geografija Dagestana XVII – nachala XIX v. Mahachkala, 2001. Kn. II.

4. Gadzhiev V.G. Sochinenija I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdju Astrahan'ju i rekoju Kuroju nahodjashhihsja». M., 1979.

5. Gerber I.G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morja // Istorija, geografija i jetnografija Dagestana v XVIII–XIX vv. Arhivnye materialy / pod red. M.O. Kosvena. M., 1958. S. 60–120.

6. Gjul'denshtedt I.A. Geograficheskie i statisticheskie opisanie Gruzii i Kavkaza 1770–1773 gg. Spb., 1809.

7. Dobrynin B.F. Geografija Dagestanskoj ASSR. Bujnask, 1926.

8. Manatilova Z.Z. Kjurinskoe hanstvo i ego vhozhdenie v sostav Rossii: dis. ... kand. ist. nauk. Mahachkala, 2003.

9. Ramazanov H.H., Shihsaidov A.R. Oчерки istorii Juzhnogo Dagestana. Materialy po istorii narodov Dagestana s drevnejshih vremen do nachala XX veka. Mahachkala, 1964.

10. Kil'chevskaja I.V., Ivanov A.S. Hudozhestvennye promysly Dagestana. M., 1995.

11. Kozubskij E.I. Pamjatnaja knizhka Dagestanskoj oblasti. Temir-Han-Shura, 1895.

Occupation of the residents of southern Dagestan (Kyurian khanate) in the late XVIII – early XIX century

The article deals with the main types of occupations of the Kyura residents, the economic situation of the Kyura in the late XVIII – early XIX century, as well as the trade and economic relations with neighbouring nations. It describes the development of agriculture as the main activity in the plains and foothills. The development of cattle breeding, which is of exceptional importance for the Kyura residents, is under consideration in the article. A brief analysis of the development of local crafts of great importance for the unions of rural communities of southern Dagestan is given in the article.

Key words: *history of Dagestan, economics of southern Dagestan, history of southern Dagestan, Kyurian khanate.*

(Статья поступила в редакцию 11.05.2018)

О.В. ГАЛКОВА, А.В. ПЕТРОВ
(Волгоград)

П.Н. МИЛЮКОВ ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В контексте русской исторической традиции на основе содержания статей П.Н. Милюкова, опубликованных в сборнике «Из истории русской интеллигенции», проанализированы его взгляды на истоки и зарождение российского либерализма.

Ключевые слова: *либерализм, истоки, традиция, русская историческая традиция, верховники, шляхетство, самодержавие, кондиции, проекты государственного преобразования.*

В 1902 г. увидело свет первое издание сборника статей и этюдов П.Н. Милюкова «Из истории русской интеллигенции» [3], куда вошли статьи, посвященные, казалось бы, самым разным событиям и явлениям русской истории. Например, «Верховники и шляхетство» и «Памяти Герцена», «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”» и «Университетский курс Грановского», «По поводу переписки

В.Г. Белинского с невестой» и «Разложение славянофильства» и др. Однако в предисловии к сборнику сам автор отсылает читателя к своим «Очеркам по истории русской культуры». Последовав его совету, мы сможем обнаружить там объяснение такому странному подбору статей.

Рассуждая в «Итогах» к первой части «Очерков» о русской исторической традиции [4], Милюков отметил, что говорить о ней можно в двух смыслах.

Во-первых, традиция как связь различных периодов естественной эволюции общества, совершаемая по свойственным ей законам. Основной закон такой эволюции – это постоянное изменение, следовательно, по мысли автора, никакая традиция здесь попросту невозможна.

Во-вторых, один из результатов естественной эволюции – это сознательная человеческая деятельность, «стремящаяся целесообразно воспользоваться естественной эволюцией и согласовать ее с известными человеческими идеалами. Для достижения этих целей надо, прежде всего, выработать и распространить эти идеалы и затем воспитать волю. Если подобная работа совершается в одном и том же направлении в течение целого ряда поколений, в таком случае в результате получится действительная культурная традиция – единство общественного воспитания в известном определенном направлении» [4, с. 274].

Очевидно, что материалы сборника «Из истории русской интеллигенции» были призваны способствовать созданию новой русской культурной традиции. В этом плане особый интерес для нас представляет открывавшая сборник статья – «Верховники и шляхетство».

Сам автор в начале работы определил ее историографическое значение [1] тем, что в ней приведены факты, до этого неизвестные русской исторической литературе, а также тем, что ряд известных фактов использовались иначе, чем ими пользовались до него [6; 8]. Прежде всего, это связано с тем, что Милюковым были использованы свидетельства иностранных дипломатов, внимательно следивших за развитием событий и дававших им оценки в своих донесениях. Автор выделил два основных подхода к оценке московских событий: одни видели в попытках верховников стремление вернуться к допетровской боярской старине, другие усматривали в них желание осуществить новое, более рацио-